

Мюррей Стайн

В середине
ЖИЗНИ:
Юнгианский
ПОДХОД

Юнгианская психология

Мюррей Стайн

**В середине жизни.
Юнгианский подход**

«Когито-Центр»

1983

Стайн М.

В середине жизни. Юнгианский подход / М. Стайн — «Когито-Центр», 1983 — (Юнгианская психология)

ISBN 978-5-89353-270-8

Книга посвящена середине жизни и тому, что сегодня называется «кризисом середины жизни». В этот период происходит переход от одной психологической идентичности к другой, возникает кризис духа, и в этом кризисе утрачиваются старые самости и возникают новые. Именно эту внутреннюю деятельность и смысл данного перехода исследует автор. Взяв в качестве исходного материала психологические события, происходящие в середине жизни, он не оставляет без внимания серьезные межличностные и социальные последствия этих важных событий, возникающие в душевных глубинах индивида. В этой книге автор не предлагает решений относительно кризиса середины жизни и не дает никаких конкретных рецептов. Он только рекомендует путь вхождения в сферу действия психики и прохождения через нее. Книга будет интересна не только специалистам-психологам, но и широкому кругу читателей, которым придется или уже пришлось пройти через этот сложный период. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-89353-270-8

© Стайн М., 1983
© Когито-Центр, 1983

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мюррей Стайн

В середине жизни. Юнгианский подход

Джейн, моей жене и другу

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Середина жизни является периодом глубокой психологической трансформации. Эта тема представляет для меня большой интерес – как в теоретическом, так и в практическом отношении. После тридцати лет практической работы в качестве юнгианского аналитика, как никогда прежде, убежден в том, что люди, имеющие представление о значении и динамике этого процесса, способны лучше справляться с кризисом, чем неосведомленные люди. Цель настоящего исследования – помочь людям, переживающим кризис середины жизни, справиться с тревогами этого времени и, возможно, увидеть его значение для их будущего. Часто говорят, что кризис заключает в себе возможность перемен и роста. Особую актуальность эта мысль приобретает в середине жизни.

При наблюдении за этим вполне нормальным и предсказуемым явлением, которое так часто встречается в жизни людей – как мужчин, так и женщин, – я больше всего был поражен тем, насколько глубоко этот процесс охватывает всю психику. Наиболее настойчиво в этот период дают о себе знать такие фундаментальные проблемы индивидуального развития и личностной рефлексии, как чувство привязанности к другим людям, переживание их утраты, ощущение самоидентичности, надежды и отчаяния. Фундаментальная целостность человека часто проходит проверку почти на грани излома. Тот, кто пережил это трудное странствие и вышел в спокойное море, никогда не остается прежним. Одних кризис середины жизни ломает, других делает целостными. Из кризиса рождается более глубокая форма целостности, чем это можно было представить.

С юнгианской точки зрения, психическое развитие представляет собой непрерывный процесс. Проблемам раннего развития были посвящены многие исследования, в которых основное внимание уделялось диаде мать-ребенок. В них подчеркивалась важность установления связи между матерью и ребенком, при этом негативные и психопатологические последствия неполной или неадекватной связи принимались как нечто само собой разумеющееся (пограничные и другие расстройства личности). Пристально изучался и подростковый возраст. Формирование личной идентичности в этот период жизни сказывается на формировании главного смысла претерпеваемых в это время перемен. Неспособность к формированию соответствующей идентичности взрослого человека в юном возрасте закладывает основу для формирования тревожных и незрелых аспектов личности в последующей взрослой жизни (невроты *puer aeternus* и *puella aeterna*). Важнейший момент психического развития, касающийся кризиса середины жизни, связан с фундаментальным изменением установки – от идентичности Эго к идентичности Самости. Если эта трансформация окажется неудачной, вторая половина жизни будет пронизана чувствами неудовлетворенности и горечи, ощущением гибели внутреннего смысла (невроз *senex*). Положительный исход кризиса середины жизни сулит хорошие перспективы для роста творческого потенциала, обретения мудрости и понимания трансцендентных аспектов сознания в преклонном возрасте.

В настоящей книге я описываю три стадии процесса трансформации в середине жизни. Первая стадия связана с безвозвратной утратой и требует расставания с прошлым – прошлыми мечтами, мифами, идеалами, иллюзиями. Их надо оплакать и похоронить. После этого наступает период «подвешенности», неуверенности: возникает множество вопросов, главным из

которых является вопрос о своей прежней идентичности и понимании самого себя. Эту критическую стадию я называю лиминальностью. Важно отметить, что период лиминальности заканчивается нескоро. Попытка преждевременно завершить этот период приводит к прекращению реализации творческого потенциала, заключенного в хаосе, ставит под угрозу его существование и переход к следующему жизненному этапу. В этот период происходит формирование нового мира, а для этого необходимо время. Рождается новая личность, и ей также требуется время для того, чтобы проявить свои особенности и обрести устойчивое положение в жизни. В идеальном случае рядом со странником оказывается добрый спутник, который ведет его через туманные и мглистые болота, через реки и леса. В глубинах бессознательного рождаются сильные и новые черты личности, которые будут иметь существенное значение для будущего.

Трансформация на каждой стадии развития призвана обеспечить максимально возможное для данного индивида раскрытие его личностного потенциала. Индивидуальность необходимо отличать от индивидуализма, который чаще всего предполагает нарциссическое ощущение собственной значимости и отстраненность от ценностей общества и сотрудничества. Индивидуация, означающая непрерывное развитие на протяжении всей жизни, движется по спирали, начиная с зародышевого состояния, когда внутриутробный человечек обладает наибольшим потенциалом, к последующему полному и совершенному выражению своего личностного начала в рамках семьи и культуры, в которой он себя обрел. На последующих стадиях личность приобретает более глубокие возможности для своего развития, выходящие за пределы семейного круга, когда личностный микрокосмос открывает для себя более общее в уже обретенном частном. Если цель первой половины жизни состоит в развитии здорового, адекватно адаптированного к культурной и окружающей среде Эго, то цель второй половины жизни заключается в нахождении символического и экзистенциального смысла индивидуального сознания, выходящего за пределы Эго. Трансформация в середине жизни является ключевым моментом в переходе от первой половины жизни ко второй. Она отражает не только кризис Эго, но и возможность появления самостной личности, рождения нового личностного центра в сознании – Самости. То, что укоренится в этот период в личностной истории, даст свои психологические плоды на протяжении всей последующей жизни индивида.

Я рад, что настоящая книга будет издана на русском языке. Огромное удовольствие доставляет мне и знание того, что книга окажется полезной читателям этой огромной страны и, возможно, станет душевным руководством для некоторых из них.

*Мюррей Стайн,
Цюрих, декабрь 2007 г.*

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа была впервые представлена на восьминедельном семинаре весной 1980 года в Чикагском центре К. Г. Юнга под названием «Мир Гермеса и переживание лиминальности: размышления о переходном периоде середины жизни». Название слишком громоздко для публикации, но оно все-таки достаточно точно отражает темы, которые я объединил в этой книге.

Книга посвящена середине жизни и тому, что сегодня называется «переходным периодом середины жизни», или, более драматично, «кризисом середины жизни». Информированность людей об этом феномене получила настолько широкое распространение, что при подходе к середине жизни мы почти автоматически начинаем концентрироваться на психологических аспектах этого переломного этапа в жизни человека. Почти каждый из нас ожидает наступления этой болезни и способен сразу ее диагностировать, по крайней мере, в других (если вы думаете, что с вами этого не произойдет). Мы видим, что в среднем возрасте наши друзья и коллеги ведут себя неожиданным образом; мы чувствуем, что при приближении к этому периоду жизни где-то глубоко внутри нас начинает что-то пробуждаться. И тогда мы хотим знать, и это вполне понятно, что с нами происходит и чего нам следует ожидать.

Кризис середины жизни обычно приводит нас к впечатляющему (иногда поразительному) осознанию нашего скрытого безумия. В средние годы у нас совершенно неожиданно и «некстати» возникает психологическое состояние, которое может лишить нас гордости, уверенности в себе и вызвать у нас сомнения в нашем эмоциональном равновесии и психическом здоровье. Кризис середины жизни выворачивает индивидов наизнанку и разрушает их искусно созданные миры. Матери и домохозяйки обнаруживают Пана в своих садах и домах или Диониса в классных комнатах: это фигуры, которые набрасываются на них со всей силой нелепых и влиятельных богов, требующих повиновения. Профессора высматривают на своих семинарах неотразимых русалок и начинают трепетать от вновь обретенного либидо, предвкушая восхитительное душевное наслаждение от общения, – но прежде, чем они успевают это осознать, они уже покидают библиотеку и лабораторию, чтобы вновь стать на путь страсти и приключений. Банкиры, министры, операторы фондовых рынков, матроны, матери – кто следующий бросит плуг и начнет реагировать на невыносимый танец жизни?

Что случилось? В середине жизни, когда мы узнаем, что эмоциональная неразбериха, путаница и ночные кошмары детства и юности оказались спрятанными весьма ненадежно, миф разбивается вдребезги. Психика все еще остается очень живой и активной. Предположение, что «взрослость» представляет собой один длительный устойчивый период постоянного роста (или упадка), базирующийся на твердом фундаменте и неуклонно контролируемый незримым родительским оком, является фрагментом детского представления о взрослости. Это представление коренится в родительском имаго, которое базируется на архетипическом паттерне, отражающем потребность и надежду ребенка на крепкую опору в лице родителей. Если взрослые считают детей полиморфно извращенными (термин Фрейда), то ребенок в каждом из нас хочет видеть совершенно нормального взрослого человека. Однако в средний период жизни происходит взрыв психики и извергающаяся лава образует и преобразует ландшафты нашей психологической жизни.

Причина, по которой это происходит в середине жизни, требует определенного внимания. Предрассудок, получивший распространение во всех областях психотерапии, состоит в том, что в психологической неразберихе взрослой жизни следует винить психологически неполноценное детство. Если бы детство было достаточно полноценным, то и взрослый период жизни был бы безмятежным. Но если бы эта старая психоаналитическая модель развития действительно была бы верна, то в терапевтическом плане или в плане развития после пятилетнего

возраста не оставалось бы ничего, кроме как устранять сделанные прежде ошибки. Последние исследования развеяли этот вымысел и показали, что зрелый возраст имеет для развития такое же значение, что и детство, и подростковый возраст. Человеку еще предстоит многое испытать, пережить кризисы развития, и притом не только после пяти, но и после тридцати пяти, пятидесяти пяти и даже семидесяти пяти лет. (Если средний период жизни теперь открывается для исследования в нашей современной психологии, то изучение преклонного возраста все еще остается неисследованной территорией.) Мы начинаем сознавать, что на всех стадиях жизни мы участвуем в психологическом процессе и что нас внутри постоянно происходят перемены.

В средний период жизни происходит переход от одной психологической идентичности к другой. Самость претерпевает трансформацию. Именно эту внутреннюю деятельность и смысл данного перехода я и исследую на страницах этой книги. Беря в качестве исходного материала психологические события, происходящие в середине жизни, я не пренебрегаю серьезными межличностными и социальными последствиями этих важных событий, возникающими в сокровенных душевных глубинах индивида. С моей точки зрения, середина жизни представляет то время, когда у людей в отношении к жизни и миру происходят фундаментальные изменения, и эти изменения имеют психологическое и религиозное значение, которое выходит за рамки межличностных и социальных отношений. Середина жизни отражает кризис духа. В этом кризисе утрачиваются старые самости и возникают новые.

Многие годы я задавал себе вопрос: что нужно для того, чтобы обратиться к собственной психологии? Что заставляет человека уделять внимание психике, уважать ее силу и дары? Что делает человека «религиозным»? Независимо от того, означает ли в данный момент внимание к психике любовь или ненависть к душе, – в любом случае это означает четкое признание ее существования и деятельности. Итак, что же нужно для того, чтобы достичь такого момента, когда мы, подобно Юнгу, сможем сказать, что психика является нашим самым тяжким проклятием и самым большим богатством? Как возникает эта установка?

Я пришел к выводу, что один из путей к этой установке лежит через психологический «кризис». В момент психологического потрясения мы не можем не видеть, как действует душа. Когда все идет по плану, душа спит, ее сфера теряет четкость и становится столь же неясной, как луна и звезды при ярком солнце. Сновидения и фантазии, другие проявления души существуют, но они улетучиваются как дымка и не имеют значения. Зачем обращать на них внимание? Они только отвлекают нас. Но в темной ночи психологического кризиса, когда дневной свет тускнеет, фигуры психики выступают вперед и обретают иное значение. Сновидения могут поражать, подобно удару молнии, и потрясать нас до глубины души. В такую ночь появляется Гермес и совершает свою работу. Миф о Гермесе повествует о пробуждении и появлении души.

На момент приближения середины жизни человек обычно укореняется в привычных психологических паттернах и уютно устраивается на работе и в семье. Затем внезапно наступает кризис: в один знаменательный день вы просыпаетесь и чувствуете себя обессиленным; атмосфера осознания всего накопленного, всего того, чем вы владеете, вызывает отвращение; приятное молоко достижений скисло; старые формы сотрудничества и деятельности доставляют неприятности. Способность гордиться вашими «трудовыми достижениями» – детьми, имуществом, должностными полномочиями, успехами – оказалась похищенной, и у вас остался вопрос: что же произошло прошедшей ночью? Куда все исчезло?

Прошедшей ночью Гермес похитил скот Аполлона. (Теперь я обращаюсь к мифу о Гермесе в том виде, как он рассказан в *Гимне Гермесу* Гомера.) Старший бог-брат, Аполлон, удивлен и разгневан. Но он собирается вернуть скот и потому, испытывая гнев и разочарование, приступает к поиску похитителя и утраченного сокровища. Это первый акт драмы, которая происходит в середине жизни: «Почему ты думаешь, что я это потерял? Я это верну».

Но Аполлону никогда не удастся это сделать. Второй акт начинается в пещере Гермеса, где этот маленький, но уже искусный похититель с невинным видом возлежит подле своей матери. Проходя по следам похитителя вашего либидо, поворачивая назад и погружаясь в темноту бессознательного, вы находите в себе жилище этого обитателя пещер. Вас обокрало хитрое и коварное новорожденное дитя, которое похитило ваше сокровище и положило вас на лопатки.

Во втором акте этой драмы середины жизни Гермес пробуждает ото сна душу и уносит все, что от нее осталось. В этот период психологических потрясений и неурядиц наши связи с родителями, обществом, друзьями и коллегами изнашиваются и расторгаются. Нам нет до этого дела – нам нужна свобода, глубина и смысл. Пробуждается психика.

Выглядывая из своей детской кровати, Гермес делает вид, что он невиновен. Вор, но и изобретатель, Гермес представляет силу, с которой надо считаться. Он собирается отвоевать себе место на Олимпе, завоевать для себя и своей матери славу и богатство. Он требует только полного признания его права по рождению: он сын Зевса. Гермес появляется как проклятие, но он же дарует изобретения и доставляет удовольствие. Для всех он – незаконнорожденное дитя и угроза установленному порядку. В середине жизни душа, при поддержке этой новой отступнической изобретательной силы, отстаивает свои права и требует внимания.

Гермеса, как и душу в середине жизни, невозможно контейнерировать. Душа, подобно Гермесу, ускользает из любых оков и требует к себе внимания, любви и уважения. В то же время душа опасна из-за своей настойчивости и решимости жить достойно и добиться заслуженной славы. В этой книге я не предлагаю решений относительно кризиса середины жизни и не даю никаких конкретных рецептов по преодолению пугающих сил, которые иногда приводятся в действие этим кризисом. Я могу только рекомендовать путь вхождения в сферу действия психики и прохождения через нее. Из мифа известно, что конфликт между Аполлоном (старшим признанным братом) и Гермесом (выскачкой, незаконнорожденным братом) возникает при обмене подарками. В конечном счете, Аполлон может получить свой скот, но теперь не хочет этого. Вместо него он получает изобретение Гермеса – лиру. Я не могу определить, что будет для вас даром души в середине жизни. Можно только предположить, что он будет принят. Этот обмен составляет третий акт драмы середины жизни.

Даром для Аполлона была музыка, и эта Гермесова игрушка стала для него, как бога, самым важным и исключительным атрибутом. Когда душа пробуждается в середине жизни и предлагает свои дары, их принятие или отказ от них имеют решающее значение. Если дары принимаются, они становятся критерием вашей жизни, ядром вашей уникальности. Если дары не принимаются, они не будут давать вам покоя всю вашу жизнь и могут подорвать все ваши усилия.

Гермес – бог странников, границ и пограничных ситуаций, посланник между разными сферами; бог переходов от одной формы существования к другой, от жизни к смерти и от смерти к жизни, который в алхимии становится владыкой трансформаций. Именно к нему я буду обращаться в следующей Одиссее в поисках указаний для продвижения в нашем странствии, которое начинается в середине жизни. В этот критический период жизни Гермес может стать нашим спутником на дорогах, которые появляются из ниоткуда и могут никуда не привести. Может случиться и так, что у нас не будет иного выбора, как позволить Гермесу, проводнику душ, стать и нашим проводником.

Глава 1

ГЕРМЕС – ПРОВОДНИК ДУШ НА СТАДИИ ЛИМИНАЛЬНОСТИ

Тот, кто уверенно движется в этом мире дорог, избирает Гермеса в качестве своего бога.

Кереньи

Поскольку греческий бог Гермес является ведущей фигурой в психологических драмах, которые исследуются во всех разделах этой книги, уместно начать со знакомства с ним и показать его связь с одной из центральных тем этих размышлений – переживанием психологической лиминальности. Присутствие и роль архетипического бессознательного в переходные периоды является центральной темой этой книги, и Гермес являет собой фигуру, олицетворяющую это присутствие. Как и Данте, избравший Вергилия своим проводником, мы возьмем Гермеса в качестве проводника при входе и выходе из сферы переживаний, связанных с переходной стадией середины жизни и адом лиминального существования.

В этой главе я лишь вскользь затрагиваю середину жизни как таковую, в ее хронологическом аспекте, потому что наша основная цель – это показать связь Гермеса с лиминальностью и положить начало обсуждению архетипических аспектов переходной стадии середины жизни и переживания лиминальности.

Гермес, бог границ и пересечения границ, бог дорог по суше и морю, бог таких культурных пространств, как рынки и базары, где совершаются сомнительные сделки, представляет собой тип сознания, существующего исключительно в переходном времени и в переходном пространстве. Гермес – бог переходов, и переходы всегда совершаются через какой-то барьер. «Мир Гермеса», как называет Кереньи этот архетип, представляет собой «существование в потоке» (Kerenyi, 1976, p. 12), и это еще одно определение переживания лиминальности. Один из эпитетов Гермеса – *stropheus*, т. е. петля, на которой вращается дверь; Гермес *фиксирован* в лиминальности, и мир Гермеса – это существование в состоянии лиминальности.

Термин «лиминальность» постоянно используется в книге, поэтому, прежде чем приступить к обсуждению главных вопросов, скажу несколько слов о его происхождении.

Английское слово «лиминальность» (liminality) происходит от латинского *лишен* (*limen*), означающего «дверной проем» или «порог». Входя в помещение или выходя из него, мы пересекаем *лишен* и, задержавшись в этом пограничном пространстве хотя бы на полсекунды, оказываемся в зоне лиминальности.

Этот латинский корень проник в психологию, где он используется для обозначения порога между сознанием и бессознательным. Поэтому термин «сублиминальный» (подпороговый) относится к той психологической области, которая находится ниже порога сознательного восприятия. При засыпании и пробуждении происходит пересечение этого порога, и в этом сумеречном состоянии между засыпанием и пробуждением как раз и находится зона лиминальности.

В наших размышлениях о переходной стадии середины жизни и переживании лиминальности Гермес фигурирует как мифический, архетипический фон. Но более, чем интуитивный и перспективный фон, этот архетип, представленный греческим богом Гермесом, отражает ощущаемое присутствие бессознательного *каждый раз, когда* жизнь ввергает нас в переходное состояние. Лиминальность запускает его в действие. Таким образом, когда мы оказываемся в лиминальности, мы так или иначе ощущаем присутствие Гермеса. Поэтому мои исследования сводятся к регистрации такого присутствия и изучению того, как надо вести себя при столь

неоднозначном и часто пугающем переживании существования между устойчивыми психологическими структурами и идентификациями.

В состоянии, которое я называю психологической лиминальностью, ощущение идентичности индивида оказывается подвешенным, диффузным, туманным, не вполне ясным. Вы перестаете фиксироваться на определенных ментальных образах и содержаниях – своих или чужих. «Я» вовлекается в область, которую оно не может контролировать и когнитивные и поведенческие паттерны которой оно не признает «своими». Хотя ощущение «Я» и некоторой его непрерывности и присутствует на стадии лиминальности, превалирующими являются ощущения отчуждения, предельности и смещения. Появляются важные вопросы, связанные с тем, что есть «Я», на что оно способно, откуда оно взялось и куда направляется. Когда «Я» становится бездомным, как в состоянии лиминальности, эти гностические вопросы приобретают особую актуальность и, что вполне естественно, проникают в религиозную сферу мыслей и чувств, которая в других обстоятельствах часто оказывается закрытой.

В лиминальности позиция «Я» не фиксирована, оно не занимает четко определенного психологического положения. Оно плавает; нет жесткого разграничения между «это» и «не то»; границы между «Я» и «не-Я» становятся менее определенными и сближаются значительно больше, чем в периоды фиксированной психологической идентичности. Это есть нечто состоявшееся и еще не состоявшееся. Время деформируется: Это забывает, фиксированные грани памяти размываются и тускнеют, прошлое выступает удивительным и странным образом; будущее не имеет определенного образа или контура. «Я» не привязано к определенным внутренним образам, идеям или чувствам. Поэтому, будучи непривязанным, «Я» плавает, дрейфует и пересекает многие прежние границы и запретные кордоны.

Кроме того, лиминальность характеризуется необычной степенью уязвимости по отношению к внезапным эмоциональным «порывам», возникающим либо изнутри, либо снаружи, к резким переменам настроения, эмоционально накаленным образам и чувствам, внезапным обретениям и потерям доверия. Внутренняя основа смещается, и, поскольку она становится неустойчивой, человек легко поддается внешнему влиянию и давлению. Когда человек находится в лиминальном состоянии, то неожиданное событие производит на него более глубокое впечатление, чем в нормальном состоянии, как в случае импринтинга. В лиминальном состоянии человек более податлив, чем в других обстоятельствах, поэтому он может оставаться под воздействием этого импринтинга всю оставшуюся жизнь.

Это краткое описание психологической лиминальности возвращает нас к уже сделанному замечанию, что в подобном состоянии присутствует Гермес. Поскольку лиминальность является сферой Гермеса, его появление в ней не должно быть неожиданным, но оно всегда вызывает удивление.

Рассказ о Приаме, царе осажденной Трои, помогает раскрыть идею о том, что в лиминальности присутствует Гермес. В двадцать четвертой песне «Илиады» повествуется о том, как Приам, старый отец недавно убитого троянского героя Гектора, ночью покидает укрепления Трои и медленно пробирается по опасной безлюдной местности к лагерю ахейцев, где он надеется найти тело своего сына.

В начале этой песни, завершающей эпическую поэму, описывается финал атлетических игр, которые были устроены на похоронах Патрокла, греческого героя и друга Ахиллеса. Ахиллес уже отомстил троянцам, сразив Гектора, который убил Патрокла, и проволочив труп Гектора позади своей колесницы по полю битвы перед взорами потрясенных зрителей, стоявших на стенах Трои. К этому времени греки уже закончили состязания в играх; погребальный костер был зажжен; стенания по Патроклу утихли: «Сонм распушен; и народ по своим кораблям быстролетным весь рассеялся; каждый спешил укрепиться под сенью пищи вечерней и сладостным сном. Но Пелид неутешный плакал, о друге еще вспоминая; к нему не касался все

усмиряющий сон» (XXIV: 1–5).¹ И тогда он запрягает в колесницу коней и волочит привязанный сзади труп Гектора вокруг могильного холма своего друга.

Я считаю начало XXIV песни «Илиады» классическим выражением состояния лиминальности. Оно возникает во время войны, а военное время само выступает в качестве лиминального для всех, кроме разве самых искушенных солдат. Но этот момент в «Илиаде» отличается особенной лиминальностью, так как он наступает после кульминации действия и приходится на спад развития событий, на момент оплакивания потерь, вызванных непредсказуемой яростью войны. Битвы в эпической поэме, как и героические игры, закончились; похоронный обряд тщательно выполнен; теперь начинается жизнь без погибших героев – Патрокла и Гектора. Ахейцы и троянцы вступили в период интенсивной лиминальности. Но троянцам еще предстоит похоронить своего мертвого героя – Гектора.

В психологическом отношении утрата такого масштаба означает потерю героического защитного механизма. Она вовлекает психику в лиминальность, которая переживается еще более тяжело из-за печали по утраченному прошлому. Лиминальность появляется в тех случаях, когда Эго более не способно полностью идентифицировать себя со своим прежним образом, который оно сформировало посредством избирательных прикреплений к определенным внутренним имаго и воплотило в определенных принятых и выполненных ролях. Оно было встроено в контекст, созданный и поддерживаемый архетипическим паттерном самостной организации, и теперь, поскольку эта матрица распалась, появилось ощущение отсеченного прошлого и неясного будущего. Хотя это Эго оказывается в подвешенном состоянии, оно еще помнит призрак прежней самости, чей дом был наполнен людьми и предметами, которых теперь уже нет, и психологический ландшафт стал пустынным и необитаемым без них. Возможно также, что существует память о статусе, безоговорочном превосходстве множества отважных защитников этой сферы. Но теперь все обстоит иначе, и поэтому я обращаюсь к Приаму, царю Трои и отцу убитого героя Гектора, ибо именно Приаму является Гермес. Рассмотрим причины.

В поэме Гомера говорится, что боги были огорчены поступком Ахиллеса. Он протаскил труп Гектора за колесницей, настолько велика была его жажда мести, и этот поступок был отвратительным. В тексте сказано, что при виде этой сцены «жалость объяла бессмертных, на оное с неба взиравших; тело похитить зоркого Гермеса все убеждали» (XXIV: 23–24). *Естественно*, они обратились к архетипическому вору, Гермесу, с просьбой вмешаться и похитить труп Гектора.

Поднимая этот текст до уровня психологического инсайта, мы можем утверждать, что бессознательное в своих архетипических глубинах – сфере богов – отягощается и нарушается ситуацией, которая сложилась в сфере бессознательного отчасти из-за его собственного влияния и вмешательства. (Боги принимали достаточно активное участие в сражении на поле дел человеческих.) Это состояние отягощенности и огорчения вызывает реакцию, компенсаторное действие со стороны бессознательного. При внимательном психологическом исследовании этого текста мы замечаем, что компенсаторное действие со стороны богов начинается с послания или, скорее, серии посланий: вначале посланница Ирида направляется к Фетиде, матери Ахиллеса; затем Фетида направляется к сыну; наконец, Гермес направляется к Приаму. В итоге закулисных маневров Зевс посредством отправки этих сообщений дает возможность Приаму вернуть труп Гектора, и Гермес играет в этом решающую роль, выполняя несколько функций: посланника, проводника и волшебника.

Гермес должен появиться перед Приамом – фигурой, обобщающей в целом пафос Трои. Внезапная и неожиданная смерть Гектора ввергла всю Троию в состояние лиминальности. Ее граждане признают, что грядут драматические перемены. Война, в которой они с ожесточе-

---

¹ Гомер. Илиада. Пер. Н. И. Гнедича.

нием сражались десять лет, теперь кажется им не чем иным, как затянувшимся поражением, которое готово закончиться жестокими разграблениями. И процессию родственников и плакальчиков вдоль разрушенных стен Трои ведет Приам, престарелый царь, некогда гордый отец угасающего рода героев. В этой скорбной ситуации к нему приходит Гермес, и это одно из самых известных событий во всей греческой истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.